

Получается, что слова, означающие одно и то же понятие на разных языках, заведомо между собой не тождественны. В слове на первом месте оказывается не его смысл, а его лексические, грамматические, фонетические и другие особенности, которые в каждом языке свои. И таким образом, слово непереводаемо. И перевод в настоящем его смысле неосуществим, а осуществимо лишь переложение. Понятно, что, требуя, «чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же», Третьяковский (и стоявшая за ним русская переводческая традиция) исходил из заведомо иного понимания слова как такового.

Явная перекличка приведенных стихов из эпистолы «О русском языке» с рассуждениями о переводе в статье «К читателю» позволяет заключить, что начало полемики о переводе относится ко второй половине 1740-х гг. Возможно, поводом для нее стало завершение Третьяковским перевода трех первых томов «Древней истории» Роллена, труда, которому и переводчик, и Академия наук придавали большое значение. Рукопись перевода была представлена на отзыв в академическую конференцию в октябре 1745 г., и в начале следующего 1746 г. последовало разрешение ее к печати.²¹ Среди рецензентов был Ломоносов, через него или от самого Третьяковского перевод мог стать известным Сумарокову. Находясь в этот период хотя уже не в дружеских, но еще и не во враждебных отношениях, три недавних приятеля могли обсуждать перевод Роллена и встающие в связи с ним проблемы перевода. Возникшие тогда разногласия нашли отражение в эпистоле «О русском языке», прошение о печатании которой вместе с рукописью обеих эпистол было подано Сумароковым в декабре 1747 г.²² Эпистола «О русском языке», «первая» и по своему обозначению на титуле издания («Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве»), и по порядку публикации, и, вероятно, по времени написания могла быть начата еще в 1746 г., в период предполагаемых споров о переводе. Теме перевода в ней отведен 31 стих (25—30-й, 75—94-й) из 142, то есть четвертая часть всего ее объема.

Хотя предложенная хроника событий не выходит за рамки гипотезы, вполне, впрочем, правдоподобной, думается, что независимо от нее было бы правильным рассматривать все события 1747—1752 гг. в деле художественного перевода в свете двух пограничных и полярных высказываний о переводе: в 1747 г. в эпистоле Сумарокова и в 1752 г. в статье-предисловии «К читателю» Третьяковского. В их контексте становится более понятным неприятие Сумароковым и Ломоносовым перевода «Аргениды». Его латинизированный

²¹ Пекарский П. Третьяковский Василий Кириллович. С. 113.

²² Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 527.